

господствѣ, о кагальномъ стрѣ,—это никакого значенія не имѣеть, все это оболочки, заертки, и та труха, которой они пересыпаютъ скоро портящіеся фрукты. Главное это фруктъ, который они сосутъ и чавкаютъ и, облизываясь, смакують гадость, находя въ этомъ удовольствіе и отраду.

Мнѣ доводилось иногда,—на пароходахъ и въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ по цѣлымъ часамъ слушать эти рѣчи и я прямо поражался скудному однообразію темы и тѣмъ особымъ взвизгиваньемъ и хихиканьемъ, которыя сопровождаютъ такія «бесѣды».

Удивительно это напоминаетъ хохотъ и взвизгиваніе распутной кампаніи, гдѣ и мужчины и женщины, источая маркія сальности, топчутся со сладострастіемъ въ этомъ липкомъ мѣсивѣ затхлои гнили духа. И тоже, какъ въ той кампаніи, находятъ мѣсто глупые анекдоты и пошлыя представленія въ лицахъ съ кривляніями...

Я не играю сравненіемъ и не хочу во всѣхъ подробностяхъ проводить аналогію, но хочется установить ту несомнѣнную мысль, что юдофобство—большое, позорное любострастное чувство и что цвѣтетъ онъ и наблюдается среди тѣхъ народовъ и въ тѣ эпохи, когда грязная волна разврата заливаешь умы и сердца людей. Таковы были: Египетъ, Римъ со своими половыми извращеніями; монашество и папы съ содомскими грѣхами, такова Франція съ ея Садизмомъ, и другими гадостями. И такъ и у насъ въ этомъ гниломъ основаніи, въ этихъ гнилыхъ и смрадныхъ верхахъ, откуда несетъ удушьемъ ада, и гдѣ тоже извращенность страсти принимаетъ тѣ же безобразныя и отвратительныя формы, что и у древнихъ.

И только этимъ объясняется то, что юдофобія именно въ этихъ кругахъ и гнѣздится, и отсюда эта гніющая жижа истекаетъ и отравляетъ долину народной жизни, какъ отравляютъ округу гніющіе отбросы и жидкости съ заводовъ и фабрикъ.

Народъ чуждъ юдофобскаго чувства, какъ чуждъ онъ разнымъ извращеніямъ — его заражаютъ этимъ только